

Кира Измайлова

Анна Орлова

Пятый постулат

Общевисты всех миров, объединяйтесь!

Кира Измайлова, Анна Орлова

«ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ»

Кира Измайлова

«СТРАННИКИ»

Кира Измайлова, Анна Орлова

ПЯТЫЙ ПОСТУЛАТ

Роман

Москва, 2011
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

Глава 1 ВСТРЕЧА

Под вечер на улице приморозило. Снег поскрипывал под теплыми валенками, весело светились окна, причудливо разрисованные ледяными узорами, — лучший мастер-стеклорез так не сделает! Там, в тепле, в уютном желтом свете, отдыхали, ужинали, кое-кто еще работал... Из одного дома доносился стройный хор голосов — видимо, встретились старые друзья и решили спеть хорошую песню. А может, к смотру талантов готовились, песня-то одна из лучших, «Вперед, к победе!» называется.

Маша не чувствовала холода — слишком уж хорошее настроение у нее было, а радовалась она тому, что ее наконец признали лучшей швеей-мотористкой области! Сам Второй секретарь приезжал, чтобы вручить Маше награду за ее не легкий труд и вынести благодарность! У девушки все в груди замирало, когда она вспоминала одухотворенное лицо Секретаря, его вдохновенную речь...

Словом, этим вечером Маша (так ее ласково звали друзья, сокращая ее имя — Машинно-автоматическая швея № 372) была совершенно счастлива. Она шла домой с собрания и предвкушала, как станет рассказывать обо всем в общезнании обмирающим от восторга и зависти подружкам (хотя завидовать нехорошо, это все знают с детства), расписывать в красках, какой замечательный Второй секретарь Вождя — намного лучше, чем даже на самых красочных плакатах! И как он пожал ей руку — крепко пожал, по-товарищески, а потом отечески обнял за плечи, чтобы фотограф мог запечатлеть этот миг. И карточку обещал прислать, с подписью!

Девушка стянула рукавицу, нежно погладила выданный сегодня значок «Передовик производства», который теперь красовался у нее на тулупе, и ускорила шаг. Пошел снег, и Маша счастливо улыбалась, смахивая снежинки с ресниц и прижимая к груди толстенный том, который ей презентовали в награду за самоотверженный труд, — это были избранные сочинения самого Вождя! Даже его стремительная роспись имелась на титульном листе, там, где портрет, и ничего, что она отпечатана типографским способом — не может же Вождь каждому передовику подписывать книги лично, слишком много таких в их счастливой стране! Зато можно смотреть на портрет и воображать, как когда-то этот великий человек (на картинке он совсем молодой, даже без седины) взял ручку и расписался на своей фотографии, а потом сказал про себя: «Как хорошо, это увидят сотни, нет, тысячи молодых людей и будут знать, что я думал о них в этот миг!»

Ах, с каким наслаждением она будет читать сегодня перед сном его слова, пусть и знакомые до последней буквы, заученные наизусть еще в детстве, но от этого не ставшие менее прекрасными! Девушка даже зажмурилась, предвкушая удовольствие, когда вдруг поскользнулась и поняла, что падает. «Неужели строители не прикрыли яму?! — успела она подумать. — Какое безобразие, я напишу на них жа...»

Карета оказалась прекрасна, она стоила уплаченных денег — мастер не обманул. Мягчайший ход, будто сидишь в гостиной, а не едешь по загородной дороге, отделка превосходна, сиденья удобны. И, разумеется, умелец не позабыл о том, что на улице зима — в специальной жаровне тлели угли, и можно было скинуть шубу, не рискуя замерзнуть. Впрочем, Весьямизель-зи-Нас'Туэрже любил тепло, а потому привычно кутался в нежный мех полярной куньи, гревший лучше любых углей.

Возок стремительно несся по укатанному снегу, полозья скользили отменно, а лошадей зи-Нас'Туэрже приказал прячь самых лучших, самых быстрых и выносливых. Видно было, как идет пар от разгоряченных конских спин, слышно,

как покрикивает кучер и щелкает кнутом — бить лошадей он никогда не бил, не было особой нужды, только подбадривал, чтобы бежали быстрее.

Весьямиэль все-таки распахнул шубу и поправил кружевной воротник. Ему казалось, что бриллиантовый зажим укреплен неровно, хотя перед выходом отражение в зеркале выглядело идеально! Не то чтобы он придавал значение подобным мелочам, он мог себе позволить легкую небрежность в одежде — это провинциалы пусть застегиваются под горло и крахмят кружева, а таким, как он, отпрыскам древнейшего рода позволено явиться на бал хоть в распахнутом камзоле и даже без перчаток.

Но сегодня случай особый: он был приглашен в загородное имение матери-императрицы, а это дорогого стоило! Все знали, что в действительности правит вовсе не император, избалованный и слабый юноша, а его мать, вернее, мачеха — женщина достаточно молодая, с сильным характером, имеющая множество сторонников при дворе. Увы, она не успела родить сына императору, женившемуся на ней после кончины первой жены, иначе, конечно, посадила бы на престол родную кровь! Но мать-императрица и без того чувствовала себя прекрасно: молодой правитель легко поддался ее влиянию и фактически передал власть в ее руки. Ему так было спокойнее и удобнее, никто не мешал предаваться забавам, а красоваться на балах и приемах он умел отменно.

И вот эта в высшей степени опасная (и тем более привлекательная) дама почтила Весьямиэля личным приглашением! Нельзя было ударить в грязь лицом — он примерно представлял, какое предложение может сделать ее величество, ждал его уже давно, неустанно совершенствуясь в своем деле, а это было не так-то просто. И дождался наконец.

— Прибыли, господин! — Слуга распахнул дверцу кареты, холод проник внутрь, и Весьямиэль плотнее закутался в шубу.

Ему предстояло пройти всего несколько шагов, подняться по ступеням особняка, а там уж... Там он будет в своей стихии, и императрица останется довольна!

Он ступил на подножку, почувствовал — что-то не пуска-

ет его, понял, что подол шубы зацепился за сиденье, осознал, что падает, — все это в считанные мгновения.

«Только не это! — подумал он. — Растянуться перед входом — что может быть позорнее...»

Лежать было холодно. Восьмиэль открыл глаза... Странно, а когда это он успел их закрыть? Неужели, падая, он ударился головой и потерял сознание? Это вовсе никуда не годится! Теперь остается только с позором отправиться восвояси, ибо императрице наверняка уже донесли, как осрамился один из рода зи-Нас'Туэрже!

Он поднял голову — да, кругом снег, но... Где карета, где ступени особняка, слуги, наконец?! Восьмиэль лежал в глубоком сугробе, каких не могло быть перед парадным входом! И... вокруг простирался не какой-нибудь парк, а самый настоящий лес.

Внутри все похолодело, и вовсе не от мороза. Восьмиэлю доводилось слышать о забавах приближенных императрицы! Что, если его, не оправдавшего надежд, вывезли в лес и оставили умирать?! Ну, положим, сразу он не замерзнет, мех куньи греет прекрасно, но... Куда идти, что делать?.. «Прежде всего, не паниковать, — сказал он себе. — Вероятно, я где-то недалеко от поселения. Да и императрица вряд ли станет убивать одного из зи-Нас'Туэрже! Вот полюбоваться, каким я выберусь из леса, — другое дело».

Он осмотрелся еще раз. Очень странно. Восьмиэль готов был поклясться, что не узнает ни единого дерева в этом лесу! Что, например, вот это такое: белый ствол в черных пятнах? А это — со слоистой коричневой корой, пахнувшей как-то странно? Где стройные серебристые палиа и изящные черные излли? Что это за кустарник, в конце концов?! Не могли же его увезти в другую страну!

В кустах затрещало. Восьмиэль замер: если там человек — это одно, а если дикий зверь... Останется только на дереве лезть, а это не так-то просто: стволы гладкие, ветви начинаются высоко, а он в шубе и парадных сапогах! Сбросишь шубу — замерзнешь, не сбросишь — не убежишь от зверя... И ору-

жия нет, как назло, — нельзя появляться у императрицы вооруженным!

В кустах затрещало сильнее, и почти под ноги Весьямиэлю вывалилось что-то бурое, лохматое... поднялось на задние лапы, заревело...

У страха глаза велики — существо не заревело, а что-то сказало человеческим голосом, ибо был это не зверь, а человек, просто в какой-то странной шубе!

Приглядевшись, Весьямиэль подавил желание протереть глаза — этак краска с ресниц поплывет! Если уже не поплыла. Перед ним стояла женщина, несомненно. Но какая это была женщина! Ростом выше его на голову, в плечах — как императорский гвардеец! Одета во что-то вроде шубы мехом внутрь, как носят в деревнях, на тумбообразных ногах — штаны (штаны!) и какие-то нелепые ворсистые сапоги.

Он готов был увидеть страхолюдную харю лесной жительницы, но у женщины оказалось юное и даже миловидное лицо: круглое, с румянцем во всю щеку, с веснушками на вздернутом носу. Кое-кому из знакомых Весьямиэля нравились крестьяночки, они любили, так сказать, разнообразить меню, но он этой моды не разделял — уж больно эти девицы были глупы и грубы! Вот и эта тарачилась на него круглыми голубыми глазищами, будто на заморское диво. Надо лбом топорщилась рыжая челка, непристойно короткие даже для крестьянки волосы были собраны в два нелепых хвостика. Словом, редкое уродище, заключил Весьямиэль. Но, может, она знает, как выйти из леса?..

Маша долго ворочалась в сугробе, пытаясь подняться на ноги. Тулуп всем был хорош, вот только ограничивал подвижность, да и теплые ватные штаны с валенками сейчас больше мешали...

Это куда же она свалилась? Вроде на улице меняли трубы, раскопали что-то, но... тогда она должна была оказаться в яме, а не в сугробе посреди леса! А может... может, это приятели подшутили? Взяли да отвезли ее куда-нибудь, а сами сидят за кустами и давятся от смеха. «Ну я вам устрою! — весело по-

думала она, все-таки ухитрившись подняться. — Дайте только выберусь!»

Первым делом Маша проверила, на месте ли значок. Тот по-прежнему украшал ее крепкий бюст, ласково золотился на нем профиль Вождя, подмигивали мелкие буквы надписи. Книга тоже оказалась цела, Маша смахнула с нее снег и поскорее спрятала под тулуп, за пояс брюк, — не хватало еще испортить такой подарок!

Только после этого девушка огляделась. Лес как лес. Хотя... В окрестностях ее городка лес был ухоженный, чистенький, лесники трудились на совесть. А тут... кустарник, непролазный бурелом, поваленные деревья... А на ближайшем бревне — странные зарубки, будто таинственные непонятные знаки... Куда же эти хулиганы ее отвезли? Ну ничего, решила Маша, вряд ли она далеко от людей, а раз так, то волноваться нечего. Опять же эти негодники, скорее всего, прячутся поблизости!

Тут как раз за поваленным деревом что-то шевельнулось.

— Ага, вот вы где! — во весь голос закричала Маша и полезла напролом через кусты. — А ну стойте, я вас вижу!

Она замерла, потому что... вместо знакомых веселых лиц увидела чужое недовольное и вроде бы даже испуганное. Маша невольно протерла глаза — таких людей она видела только в учебниках! Женщина была невысокого роста, Маше едва по ухо, наверно, стройная и очень-очень красивая. Лицо узкое, бледное даже на морозе, большие зеленые глаза и длинные темные ресницы (похоже, подкрашенные — вон, пятно на веке!), точеный нос, тонкие, надменно изогнутые брови... А волосы длинные-длинные, золотистые: на лбу завитая прядь, с висков подобраны, уложены сзади как-то хитро, а по плечам рассыпаются локоны. И все это богатство увито цепочками с блестящими висюльками.

Одета она оказалась тоже как на картинках. На ней была длиннополая шуба из неведомого серебристого меха, очень широкая и, наверно, теплая. Тут женщина отступила назад, шуба распахнулась, и Маша успела разглядеть высокие сапожки, все в цепочках и пряжках, облегающие брючки из какого-то темно-вишневого, переливчатого материала, а еще

длинный пиджак, весь в золотом шитье и блестящих камушках, и море кружев — на шее, на груди, да и на рукавах вон тоже! В ушах серьги, тоже с камушками, на маленьких руках перчатки — тонкие, наверно, холодно в таких. Маша потянула носом — точно, и духами пахнет, да так, будто женщина в них искупалась!

Но красивая-то какая! Девушка хотела было вздохнуть, но тут же раздумала: красота красотой, вот только это наверняка жду! Женщина для удовлетворения то есть. В Машином городке таких не было, у них и без того молодежи достаточно, любой себе пару найдет, а вот в больших городах, она знала, этих женщин немало. Что ж, все профессии нужны, все профессии важны, этому ее еще в школе учили, и неприлично считать кого-то хуже себя только потому, что она жду, а ты — швея-мотористка! Может, к этой женщине даже Второй секретарь обращался, пока не обзавелся семьей! А что? Он человек занятой, весь в работе, некогда ему на танцы ходить! Вот для таких жду и стараются, чтобы те не отвлекались от мыслей о нуждах страны!

Но все-таки очень странно встретить подобную специалистку в лесу!

Маша хотела было спросить, как та здесь оказалась и далеко ли до поселения, но жду ее опередила:

— Эй, девка, — сказала она низким голосом. Очень презрительно вышло, кстати. — Где здесь ближайшее поместье?

— Что? — опешила Маша.

— Поместье, — раздельно повторила женщина, недобро прищурившись. — Деревня. Жилье, одним словом. Ты что, тупая? Чего уставилась?

— Я не тупая! — обиделась Маша. — И я не уставилась, я просто смотрю!

— Насмотрелась уже. — Женщина раздраженно убрала за ухо длинную прядь. — Говори, да поживее, пока я тебя не проучил!

— А?.. — Маша снова оторопела.

«Проучил?» Так это что же... Ой, и голос ведь не женский. И — она только сейчас сообразила — помады на губах нет, а это главный признак жду! Но одежда-то, одежда! Или это мду?

Такие тоже бывают, она слышала, уж очень редкая профессия, хоть, говорят, и востребованная...

— Тупая, — констатировал мужчина и отвернулся. Посмотрел на равнодушный лес и снова взглянул на Машу. — Ладно, попробуем иначе. Ты откуда будешь, тетеря?

— Я?.. Я из Верхнешвейска, код У4Р241, — ответила Маша, решив не обращать внимания на грубость. Откуда ей знать, как должны себя вести такие люди. — А вы?

— И где этот твой... — Мужчина поморщился.

— Я не знаю, — удрученно ответила Маша.

Мужчина закатил глаза, Маша даже испугалась — не в обморок ли он собрался упасть?! Вдруг у мду нежная психическая организация, а она его чем-то обидела?

— Идиотка, — совершенно спокойно произнес он. — Сюда ты как попала? С неба свалилась?

— Нет, — уверенно ответила Маша. — Я шла домой с собрания, поскользнулась, упала и... очнулась в кустах. Наверно, это мои друзья так пошутили, они где-то рядом должны быть, я покричу им! Ау-у! Ау...

— Не ори, дура! — рявкнул на нее мужчина и даже ногой топнул. Вышло не грозно, только снег во все стороны полетел.

Маша растерянно заморгала. Очень уж странный был этот человек...

Надежда на то, что девка эта из ближайшей деревни, быстро иссякла. Либо она вовсе идиотка, чего Восьямиэль не исключал, либо... Что-то тут было не то. Названия города он никогда не слышал, раз. Два — то, что девка, наткнувшись в лесу на незнакомого мужчину, сразу не удрала и не перепугалась, а принялась с ним разговаривать как ни в чем не бывало. Да еще негнула шею перед аристократом — а в Восьямиэле трудно было не признать дворянина! Три — то, как она себя вела в лесу, будто на прогулке в городском парке, вон, каких-то своих друзей звать принялась. А то, что на ее дурные вопли может не человек явиться, а что похуже, вовсе не подумала, это очевидно. Ну и еще ему не давал покоя ее рас-

сказ. Шла, значит, домой, видимо, с посиделок, упала... и очутилась в лесу. В точности как он сам. Но что это могло означать?

Весьямиэль присмотрелся — на груди девки блестело какое-то украшение, вряд ли золото, конечно, но все-таки... Крестьянки брошек не носят: бусы, браслеты, серьги — это само собой, а таких штучек Весьямиэль не видел никогда. Да там, кажется, портрет чей-то, на брошке-то! Рассмотреть никак не удавалось — девка все вертелась по сторонам, а силой ее принуждать он опасался, знал, каковы бывают крестьянки — такая, поди, легко понесшую лошадь остановит!

И что делать дальше? Выбираться из леса, это очевидно — так и замерзнуть недолго. Вот когда Весьямиэль пожалел, что не проявлял прилежания в детстве! Как теперь пригодилось бы умение разжечь огонь! А тогда-то он нос воротил — зачем это нужно, если слуги есть?

В общем-то попытаться он мог, но опасался, что ничего не выйдет — большинство кое-как усвоенных в детстве знаний ему ни разу не приходилось применять на практике. «Это оставим на крайний случай», — решил он.

Повернулся, посмотрел по сторонам — ни следов не видно, ни засечек на деревьях, потянул носом — обоняние у него было тонким, и это могло пригодиться. Подобрал полы шубы и решительно зашагал по глубокому снегу.

— Куда вы?.. — удивленно окликнула девка. Она успела нахлобучить на голову свалившуюся шапку и теперь выглядела еще более нелепо.

— Не твое дело, — ответил он.

— Вы знаете, куда идти? — Она догнала Весьямиэля и пошла рядом, пытаясь заглянуть ему в лицо. — Вы так уверенно идете! Как вы догадались?

— Дымом пахнет, — ответил он, поняв, что она не отвяжется. Как бы от нее отделаться? С другой стороны, пусть идет, вдруг поможет объясняться с местными...

— Разве? — Девка шумно засопела. — Ничего не чувствую! А вы...

— Рот закрой, — любезно посоветовал Весьямиэль.

— Что?..

— Будешь болтать на морозе — желудок застудишь, — сказал он первое, что пришло в голову, но это помогло — крестьянка умолкла.

То, что Весьямиэль выйдет к поселению, он не сомневался: жить захочешь, еще и не по такому лесу бегом побежишь. Но что делать дальше, он пока не понимал...

Глава 2

ЛЕС

Чем дальше они шли, тем больше недоумевала Маша: почему ее спутник так уверен, что идти надо именно в эту сторону, где лес все гуще и гуще, а не в противоположную? Он сказал, что чует запах дыма, но сама Маша, как ни приняхивалась, так ничего и не уловила. Она попыталась было сказать об этом мужчине, но тот даже не ответил, только посмотрел на нее презрительно и зашагал себе дальше.

Этому Маша тоже удивлялась. Она сама была девушкой спортивной, в теплое время года занималась бегом, зимой ходила на лыжах аж до соседнего городка (если вдруг хотелось навестить знакомых), делала зарядку, без труда справлялась с капризными механизмами на фабрике и без особой натуги забрасывала мешки с картошкой в кузов грузовика. Но идти по сугробам и бурелому ей было нелегко, ноги вязли в снегу, пару раз она едва не потеряла валенок. А этот мужчина, хоть и был одет неподходяще для такой прогулки, умудрялся как-то выбирать дорогу так, чтобы не проваливаться в снег и не наткаться поминутно на ветки. Маша уже взмокла в своем тулупе и запыхалась, а он все шел и шел, и лицо его выражало только мрачную решимость. Уши и кончик носа у него покраснели. «Обморозится же!» — спохватилась Маша. Уж настолько ее опыта зимних походов хватало.

Соображала девушка быстро — распахнула тулуп, размотала теплый пуховый платок и предложила спутнику: если обмотать такой шалью голову, то никакой мороз не страшен! Тот, однако, взглянул на Машу так, будто она ему дохлую лягушку подсунула, а не теплую вещь! И не взял. Пришлось снова самой надевать...

Совсем стемнело, Маша с трудом разбирала, куда идет, только маячила впереди спина мужчины в светлой шубе. На ощупь он передвигается, что ли? Она шмыгнула замерзшим носом (уже и платок, повязанный поверх шапки, не спасал!) и хотела было попросить остановиться на минуточку — передохнуть и за кустики наведаться. А то так вот отстанешь по делу, потом не нагонишь, и что прикажете делать одной в темном лесу? Вряд ли тут дикие звери водятся, но все равно неуютно как-то. Однако не успела она открыть рот, как мужчина остановился. «Тоже, наверно, устал», — сообразила Маша, обрадовавшись, что не придется ни о чем просить, уж больно неприятный оказался человек. Впрочем, ее учили, что в каждом можно найти что-то хорошее, если поискать как следует, а с этим мужчиной она не знакома даже — Маша спрашивала, как его зовут, а он не ответил, будто не услышал вопроса! Вот любопытно, если мду все такие, то кто же с ними общается? Или с теми, кто пользуется их услугами, они себя ведут лучше?

— Не топочи, коровища! — процедил мужчина сквозь зубы. — Стой на месте!

Маша остановилась. Мужчина медленно пошел вперед, стараясь не шуметь. Это у него получалось: ветки под ногами, бывало, хрустели, их под снегом не углядишь, но кусты особенно не трещали, а снег не скрипел. Машин спутник в своем светлом одеянии здорово напоминал привидение, которыми любили пугать друг друга девчонки в общегитии. Понятно, что пережиток прошлого и вообще предрассудки, но так приятно было пугаться и визжать от притворного ужаса!..

Тут только Маша сообразила, что мужчина не просто так бродит по кустам: впереди виднелось какое-то темное пятно... Неужели дом?! Точно, дом, но ни одного огонька не видно, должно быть, все спят давно.

От громкого стука Маша подпрыгнула: ее спутник заколотил в ворота. Дом оказался окружен высоченным забором, скорее даже частоколом. Зачем кому-то понадобилось такое гордить? Или, может, это секретный объект? Но тогда где часовые?

Тут за забором залаяли две собаки. И, похоже, здоровен-

ные и злющие — одна громыхала басом, как из бочки, вторая нетерпеливо подвывала, будто нормально лаять не умела.

Маша не удержалась и подобралась поближе. Интересно, кто там живет? Мужчина покосился на нее неласково, но ничего не сказал. Собаки заходились лаем (Маша, как ни старалась, не могла их рассмотреть сквозь щели в заборе). Наконец в окне затеплился огонек, потом бухнула дверь, двор осветился, — видно, зажгли фонарь, — проскрипел снег под тяжелыми шагами, и кто-то спросил мрачным хриплым голосом:

— Кто там по ночам бродит?

— Мы заблудились! — сказала Маша радостно. Наконец-то люди! Теперь хоть понятно будет, где они оказались и как добраться до дома!

— Заблудились? — подозрительно спросили из-за забора. — И сколь вас там, заблудившихся?

— Двое, — ответила Маша честно. — Я и вот... молодой человек... Пустите нас, пожалуйста, холодно очень!

— А откуда будете? — продолжал допрашивать хозяин дома.

— Я из Верхнешвейска, а он... — Маша умолкла, ожидая, что ее спутник сам представится, но тот повел себя вовсе неожиданно.

Отступив назад, мужчина произнес невыносимо надменным тоном (Маша никогда не слышала, чтобы так говорили, разве что в театре, когда давали пьесу из древних времен, чтобы заклеить пороки феодального общества):

— Эй, любезный! Отопри-ка ворота, не привык я со смердами перекрикиваться!

Как ни странно, суровый хозяин не возмутился, загромычало железо, — видимо засов (Маша еще подивилась — от кого запирается в лесу?), — скрипнули петли, и ворота распахнулись. За ними обнаружился здоровенный бородач в необъятной мохнатой шубе, не иначе из цельной медвежьей шкуры. В руках он держал какую-то странную штуковину, при взгляде на которую Машин спутник вдруг напрягся и дальше уже следил за движениями хозяина дома очень внимательно.

Собаки, стоило Маше со спутником войти на двор, обе-

жали их по кругу и теперь держались позади. Девушка успела их рассмотреть немного: зверюги оказались огромные! Та, что побольше (Машиному спутнику чуть не по пояс) — мохнатая, серо-белая, похожая на оживший сугроб, с медвежьими лапищами и башкой. Вторая — поменьше, темно-серая, со злыми глазами на волчьей морде.

— Вы, господин, вижу, из благородных будете, — с неожиданным уважением обратился бородач к мужчине. — Уж не обессудьте, что осторожничаю, ночь на дворе, а люди всякие попадаются...

Тот в ответ только фыркнул, потом смерил бородача холодным взглядом и спросил:

— Ты кто таков будешь?

Маша подивилась: и как не стыдно так разговаривать с человеком намного старше себя! А тот-то как странно себя повел: взял вдруг стащил шапку (странную штуковину, правда, не опустил) и сказал:

— Яреуком звать. Яреук Лесник.

— Что лесник, я догадался, — хмыкнул мужчина. — Ну, любезный Яреук, можешь удостовериться — я безоружен. И опусти самострел, не ровен час тетива сорвется!

— Не сорвется, — проворчал тот, но сделал так, как попросили. — Пожалуйте в дом, господин.

— А почему вы его называете господином? — полюбопытствовала Маша.

— Дык а как же иначе? — удивленно покосился на нее бородач. — Сразу видать, благородный господин, разве ж можно иначе?..

Маша ничего не поняла. Почему господин? Какой такой господин и при чем тут благородство? Это понятие по Машиному разумению означало проявление высокой нравственности, честности и вообще возвышенности.

— Проходите, господин. — Бородач изобразил что-то вроде поклона. Посмотрел на Машу: — И ты, девка, проходи, неча мерзнуть!

Маша послушно прошла в дом. Там было жарко натоплено, сразу захотелось скинуть тулуп и валенки, но она стеснялась раздеваться без разрешения.

Чудно только, что вместо привычного яркого электрического света помещение освещалось свечами. Неужто дом находится так далеко в лесу, что тут нет даже лампочек Вождя? Или просто авария на подстанции и завтра свет дадут? Но все равно, почему свечи, неужели нет керосиновой лампы?

— Время позднее, — сказал лесник, пристраивая самострел на крюк, вбитый в стену. — Господин почивать желает или откусать чего-нито?

— Господин желает узнать, где он оказался. — Машин спутник сбросил шубу, поправил растрепавшуюся прическу. — И каким образом это произошло.

Яреук помолчал, забрал бороду в кулак, потом произнес:

— Ну, ближайший поселок тут недалече. Перепутинском называется. Завтра сведу вас туда. А что до прочего, то меня не пытайте, сам не знаю, рассказать не смогу. Староста перепутинский вам все обскажет, а я что — я в лесу живу, знать ничего не знаю, видеть никого не вижу. Разве вот заблудится кто вроде вас...

— Ясно. — Мужчина огляделся, поморщился брезгливо. — Ясно, что ничего не ясно...

— Отужинать пожелаете, господин? — подобострастно спросил Яреук. — Вот, молочко топленое, только сегодня из поселка принес, хлебушек опять же...

Мужчина скорчил такую гримасу, будто лесник пытался накормить его живыми жабами, но подношение принял.

— А можно мне тоже? — попросила Маша, удивленная таким поведением бородача. Совсем невоспитанный! Конечно, мужчины с женщинами во всем равны, но принято ведь девушек уважать!

— А ты свое место знай, девка! — цыкнул на нее лесник и повернулся ко второму своему гостю. — Это ваша будет, господин?

— Приблудилась по дороге, — хмыкнул тот и поднялся из-за стола, взял свою шубу. — Ты прав, любезный, время позднее.

— Пожалуйте сюда. — Яреук распахнул дверь в глубине дома. — Не извольте сомневаться, кровать хорошая, специ-

ально держу, если вдруг кто благородный случайно милость окажет. Чистенько все. Пожелаете чего, кликните!

Мужчина кивнул, усмехнувшись краем рта, протянул руку. Маша думала, что лесник ее пожмет, но тот едва коснулся узкой ладони, да еще поклонился при этом. Девушке показалось, будто что-то блеснуло, металл какой-то, но это мог быть просто блик от огня на многочисленных перстнях ее спутника.

— Благодарствую, господин, — произнес лесник, а Маша снова поразилась: в дом пригласил, накормил, спать уложил и сам же благодарит?! Может, он немножко того? Не в своем уме?

Дверь за мужчиной затворилась, и Яреук повернулся к Маше.

— Ну, чего встала? — произнес он совсем другим тоном. — Скидывай тулуп и обувь да садись, не топчи, полы мыты!

Маша удивилась — ее спутнику он не предложил сапоги снять, а снега на них было не меньше, чем на ее валенках! Но об этом она быстро забыла: имелась одна насущная проблема.

— Яреук, а мне бы... — Маша замялась — неудобно было спрашивать незнакомого человека о таком. — Ну...

— Чего мычишь? — нахмурился тот. Потом, видимо, догадался: — До ветру, что ли? На двор иди, нечего тут. Собаки не тронут, не боись. За углом там.

Пришлось снова выходить на мороз. И как тут люди живут, дивилась Маша, если у них до сих пор отхожие места во дворе! Поди, и водопровода нет! Куда же это ее занесло?

Собаки проводили ее до места и обратно. Не слишком-то это было приятно. Признаться, они совсем не походили на ласковых домашних псов, скорее уж на лесных зверей!

— Ешь давай да спать ложись, — встретил ее Яреук. — Вон, на лавку. Да храпеть не вздумай!

— Я не храплю, — обиделась Маша. — А скажите...

— Недосуг мне с тобой болтать. — Лесник полез на печь. — Ложиться будешь, лампу задуй. Да не топочи!..

Спустя несколько минут с печи донесся богатырский храп: Яреук собственным наставлениям явно не следовал...

Весьямиэлю не спалось, и причиной тому была не усталость, не холод (в тепле его уже разморило) и даже не храп лесника. О нет, его одолевали мысли, одна другой неприятнее.

Что за Перепутинск такой? Он никогда не слышал о поселке с таким названием. Положим, все мелкие поселения и деревушки он знать не может, но по окрестностям столицы поездил немало... Опять же лес вовсе не знакомый, это он отметил. Собаки лесника — не видал он таких пород! Одна, положим, явная полукровка, на волка похожа, а вот вторая точно не подзаборная шавка, таких псов выводить надо, в подобных вещах он разбирался неплохо. И чтоб этакое чудище да ни разу не привезли на собачьи бои — быть не может!

Самострел у лесника странного вида, не попадалось Весьямиэлю таких моделей, а в оружии он разбирался даже лучше, чем в собаках!

Что дворянина Яреук в нем признал, это хорошо. Выходит, глаз у него наметан: либо он часто бывает в поселке, а поблизости чье-то поместье, либо здесь охотятся благородные господа, не иначе. Но вот слова лесника не давали Весьямиэлю покоя: знать он ничего не знает, видеть не видит... Кто-то, судя по всему, частенько плутает в этом лесу. Очень любопытно...

Все же Весьямиэль решил, что от размышлений его проку сейчас немного. Нужно взглянуть на этот самый Перепутинск, поговорить со старостой. Может, Яреук не соврал, и тот что-то да разъяснит. А пока... надо действовать по обстоятельствам. И желательно, — тут Весьямиэль усмехнулся, — вести себя так, как полагается благородному господину в затруднительных жизненных обстоятельствах. Это он умел превосходно.

Одно неприятно: крестьяне — народ ушлый, а на нем драгоценностей столько, что наверняка хватит скупить весь их поселок с прилегающими полями и лесами. Могут ведь и отобрать, у него оружия нет, да и было бы — что он сделает в одиночку против десятка дюжих мужиков? А Яреук наверняка расскажет старосте, что видел золотые монеты (самому-то серебришка досталась), драгоценные перстни и много чего другого.

Весьямиэль прекрасно понимал, что никакие драгоценности не стоят жизни. Ну, за редким исключением, конечно, — фамильный перстень он отдавать не собирался, а потому припрятал его подальше. Впрочем, вряд ли крестьяне на него польстятся, по сравнению с остальными побрякушками он совсем невзрачен! Подстраховаться, однако, стоило.

Разобравшись с драгоценностями, он с сомнением осмотрел предложенную ему лесником кровать. В самом деле, на вид чисто. Тем не менее раздеться он не рискнул, скинул только сапоги, лег поверх покрывала, укрылся шубой и, задув свечу, все-таки задремал.

Маша, в отличие от Весьямиэля, выпалась хорошо. Конечно, непривычно было спать на узкой лавке, да и ложиться пришлось одетой, но усталость от похода давала о себе знать, и девушку быстро сморил сон. От изнеможения она даже не смогла почитать на ночь подаренную книгу, хотя свет все равно оказался слишком тусклым для этого. Ей не мешал храп, не тяготили думы о будущем. Конечно, она попала к каким-то странным людям. И лесник, и этот мду, который так и не пожелал назваться, вели себя очень подозрительно, но что загадывать? До деревни утром дойдут, а там свои, товарищи не бросят и до Верхнешвейска добратся помогут! Так что Маша спала спокойно и видела сладкие-сладкие сны. Под головой у нее вместо подушки лежал увесистый том избранных сочинений Вождя. «Думы о былом» — гласила надпись на обложке.

Она проснулась рано, разбудили непривычные звуки: пропел петух, заблеяла коза, в отдалении кто-то громко нецензурно выругался.

«Разве можно так ругаться! Рот с мылом за такое мыть нужно! — сердито подумала девушка, просыпаясь. — С хозяйственным». Ее товарищи себе такого не позволяли!

Она неловко пошевелилась и вдруг очутилась на полу, спросонья забыв, что спала на узкой лавке.

От грохота проснулся и Весьямиэль, высунулся из комнаты (а ведь мог бы уступить кровать девушке, только сейчас

сообразила Маша) и принялся браниться, да так, что лесник наверняка покраснел от зависти!

Маша не выдержала и сделала ему замечание:

— Как вы можете так говорить? Это же некультурно!

В ответ мужчина обругал ее снова, да такими словами, что у девушки разом заалели щеки, и она заткнула уши пальцами, чтобы не слышать подобных гадостей.

Наконец поток непристойностей иссяк, мужчина подошел к ней.

Маша отняла руки от ушей (наверное, он хотел извиниться, и она готова была извинения принять, ну с кем не бывает!) и приготовилась объяснить, что язык всегда должен быть чистым и правильным, а ругаться недопустимо! Так ее учили в школе.

Мужчина подошел к ней вплотную, посмотрел сверху вниз (Маша уже сидела на лавке) и ледяным тоном осведомился:

— Как ты смеешь мне прекословить, девка?

— Я не девка! — возразила Маша обиженно. — Я общевистка и передовик производства, между прочим!

При этом она невольно расправила плечи, демонстрируя новенький значок (она переколола его на вязаную кофту, чтобы не расставаться даже ненадолго). Мужчина проследил за ее взглядом и тоже уставился на значок, после чего поинтересовался:

— Где ты это стащила? Откуда у тебя брошь?

Маша перевела взгляд на собственную грудь, не сразу поняв, что он имел в виду, а когда наконец осознала, то прикрыла ладонью драгоценный значок и обиженно возразила:

— Да как вы смеете? Это мое! Мне только вчера Второй секретарь лично вручил!

Девушка невольно приободрилась, вспомнив торжественную церемонию.

— Да кто мог тебе такое дать, деревенщина? — саркастически спросил мужчина, явно выведенный из себя ее строптивостью. — Ты просто воровка!

Кровь бросилась Маше в лицо — да как можно, разве бы она взяла чужое?

— Вы, вы... — беспомощно пролепетала она.

Мужчина, наслаждавшийся ее растерянностью, добавил:

— А ну, дай сюда! — И даже руку протянул, властно требуя исполнить приказ.

Не помня себя и ничего не видя от наворачнувшихся слез, Маша схватила первую попавшуюся вещь, — это оказалась книга, — вскочила и с силой опустила ее на голову негодяя.

Не ожидая подобного, тот не успел защититься и со странным всхлипывающим звуком свалился на пол у ног девушки.

«Книга — огромная сила», — всплыло в голове у Маши изречение Вождя.

Глава 3 ПОСЕЛОК

Именно во время этой душещипательной сцены вернулся лесник. Окинув ошеломленным взглядом вольную вариацию на романтическую тему «Благородный рыцарь у ног прекрасной дамы» (с большой натяжкой, поскольку Восьмиэль, расстрепанный и без сапог, мало походил на благородного рыцаря, не говоря уж о том, что он явно пребывал в беспамятстве; да и всклокоченная Маша вряд ли была достойна именоваться прекрасной дамой), лесник верно оценил ситуацию и выдохнул:

— Ты, девка, совсем сдурела, что ль? Ты на кого руку подняла, шелупонь эдакая?! Да как посмела-то?!

Далее последовал еще с десятков менее приличных эпитетов, которые оказали на Машу такое же воздействие, как холодная вода на разбушевавшегося кота: она мигом потеряла запал и осознала, что наделала. Нет, ей было невдомек, что Яреук имел в виду, однако осознание того, что она — общевистка и воспитанная девушка! — ударила человека, вызывало оторопь. Сколько их в школе учили, что человек человеку друг, товарищ и брат, а стоило ей только столкнуться с этим мду, как из головы мгновенно вылетели усвоенные в детстве истины! А еще... еще у пострадавшего кровь на лбу выступила: это, наверно, Маша рассадила ему кожу стальной окан-

товкой переплетает! А если у него теперь сотрясение мозга будет?..

Яреук кинулся поднимать Весьямиэля. Пристраивая его на лавке, он жалобно причитал и все извинялся перед беспмятным, что не уследил да не уберег. Впрочем, ушиб оказался не слишком серьезным, потому что мужчина начал приходить в себя.

Маша всхлипнула, вытерла кулаком слезы и вымолвила:

— Извините, я не хотела!

Вот как надо — если неправа, сумей признать ошибку!

Но на ее раскаяние отреагировал лишь лесник, раздраженно шикнув:

— А ты молчи! И пооди с глаз долой, а то сейчас господин очнется и высечь тебя прикажет!

Смысл сказанного доходил до Маши постепенно.

— Господин... высечь?! — проямлила она непонимающе. Неужели она ошиблась и приняла своего попутчика за мду, такого же товарища, как и она сама, пусть и трудящегося в другой сфере?! А он, выходит, — недобиток империализма, а этот лесник его еще и защищает?! — Вы... вы апологет угнетения трудового народа! — припечатала Маша запальчиво.

— Ах, ты еще и обзыватья смеешь? — возмутился Яреук. Таких слов он не знал, но безошибочно определил, что они ругательные. — Дерзкая девка, а ну брысь из моего дома! На улице постоишь! И я все-о старосте расскажу, пускай тебе всыпят горячих!

Маша возмущенно смотрела на него: вот из-за таких, как он, прихлебателей жирующих капиталистов, до сих пор не победила межмировая общевистская революция! Она хотела было объяснить леснику весь ужас его заблуждений, рассказать, как низко он пал, однако тот вновь повернулся к «господину», не обращая больше на девушку никакого внимания.

Ей ничего не оставалось, как схватить тулуп, заветную книгу, сунуть ноги в валенки и выскочить из дома, громко хлопнув дверью. Далеко она, впрочем, не ушла: собаки лесника не собирались выпускать ее со двора, так что Маша уселась на крылечке и пригорюнилась...

Мало того что она подняла руку на человека, так еще по-

зорно сбежала, даже не попытавшись прояснить ситуацию! И пусть он поганый капиталист (кем он еще может быть, весь в драгоценных камушках; как это она сразу не догадалась, что даже мду не нацепит на себя столько пошлых побрякушек!), но все-таки человек, и его, наверно, можно было переубедить словом... А если начать с рукоприкладства, так уж, конечно, никто не подобреет! И, кстати, нужно было выяснить, откуда взялся ее идейный противник. В окрестностях Верхнешвейска такого оказаться никак не могло! Шпион? Ну, это глупо! Какой шпион станет так привлекать к себе внимание?..

Тут Маша припомнила, что лесник говорил о поселке под названием Перепутинск. Но ведь поселок же, а не какой-нибудь... Где там жили капиталисты? Дворец, вот! Хотя, может, и дворец поблизости отыщется... И что тогда делать?

«Как что? — поразилась Маша своим мыслям. — Конечно, нести просвещение в массы! Никаких господ, таких, как этот... раззолоченный, так просто словом не проймешь! Надо начинать с трудового народа, как делал сам Вождь, а потом уже сплоченные массы сами разрушат дворцы и разделяются с угнетателями!» Тут Маша представила человека, выведшего ее из леса, повешенным или расстрелянным и поежилась — неприятное оказалось зрелище. Одно дело видеть подобное на плакатах и живых картинах — там и кровь ненастоящая и угнетатели выглядят так, как должны, — со злобными глазками, разжиревшие и вообще омерзительные... И совсем другое — воображать, как такое же сделают с живым, хоть и нехорошим человеком. Маше даже жалко его на минутку стало, но она быстро взяла себя в руки. Зло любит прикидываться добреньким и красивеньким, а копни поглубже — испугаешься!

«Ну, можно его посадить в тюрьму, — благородно решила Маша. — Или отправить в трудовую колонию, пусть работает на благо общества!»

Замечтавшись, она представила, как ее спутник в ватнике и сапогах валит лес (хотя это вряд ли, он и топор-то не удержит!) или укладывает кирпичи. Получилось так занятно, что Маша не сразу поняла, кто это толкает ее сзади. Оказалось, она подперла дверь, и лесник не мог выйти...

— Господин, да что же это! Да как же это! — причитал Яреук над Восьямиэлем. Тому казалось, что паника лесника наигранна, да так оно и было на самом деле. Бородач честно исполнял свой номер, только и всего, а дела до разбитой головы мимохожего аристократа ему не было. — Да я вот скажу старосте, так девку эту...

— Оставь, что взять с убогой! — поморщился Восьямиэль и дотронулся до виска.

Девушка задела своей книжищей одну из заколок, а та рассадила кожу. Но это ерунда, кровь уже остановилась, даже кружева удалось не заляпать. В целом он не особенно пострадал, больше удивился, когда эта ненормальная на него накинута. Вот вам, кстати, преимущество пышных причесок, которые так осуждают старики! Огрей его девушка по бритому черепу, мало бы не показалось...

Любопытно, кстати, узнать, откуда у нее этот фолиант! Уже две вещи, которые не полагается иметь при себе деревенской девушке: брошь (Восьямиэль успел ее разглядеть, вещица выглядела необычно: на ней был выгравирован совершенно незнакомый герб, что-то вроде восходящего солнца в венке из колосьев, а на этом фоне — чей-то суровый профиль) и книга, с которой эта сумасшедшая, похоже, не расставалась ни на минуту. Тяжеленный томище...

Восьямиэль снова потрогал висок и капризно произнес:

— Ну? Долго я буду ждать? Подай умыться!

Пока лесник заполошно метался по дому, соображал, в чем согреть воду (не холодной же господину умываться!), Восьямиэль мог спокойно поразмыслить. Что и говорить, сорвался он на эту блаженную безо всякого повода... если не считать таковым дурное настроение от ночевки на неудобной, слишком мягкой кровати (еще его, кажется, клоп укусил, а может, и блоха...). Толком заснуть ему удалось лишь под утро, и сразу же его разбудил грохот. Ну как тут не вызвериться на дурицу неповоротливую?

«А ведь неплохо вышло, — подумал Восьямиэль, третий раз прогоняя Яреука греть воду (слишком холодная, видите ли!). Вообще-то он и снегом мог умыться, это и для цвета лица полезнее, но выбранное амплуа не позволяло, приходилось

чудить. — Спроси кто, этот бородатый расскажет именно то, что мне нужно...»

Наконец он изволил совершить утренний туалет, то бишь умылся, окончательно стерев краску с лица, поправил прическу, пришедшую в плачевное состояние после ночевки и столкновения с книжкой, обулся, накинул шубу и заявил Яреуку, что желает немедленно узнать, что все-таки происходит!

Вообще-то следовало потребовать подать старосту прямо к леснику в дом, но зарываться Восьямиэль не стал. Зато по дороге отыгрался и на Яреуке, и на девке, которая уныло тащилась позади и даже не задавала дурацких вопросов. Она, правда, еще раз попробовала извиниться за свой опрометчивый поступок, но Восьямиэль ее попытку проигнорировал. Зато заметил, что девка этим, похоже, огорчена, и пустил в ход все свое немалое актерское мастерство, симулируя страшнейшую головную боль. По правде сказать, ссадина и не беспокоила ничуть, но Восьямиэль с затаенным злорадством продолжал спектакль... Разумеется, Яреуку тоже перепало, но по другой причине: и лошади у него не имелось для благородного господина, не говоря уж о карете или хотя бы санях, и дорога к поселку не была расчищена, и идти далеко, и еще всякие мелочи!

Под конец путешествия Восьямиэль, правда, унялся — уж больно нехорошим взглядом начал на него посматривать лесник. Должно быть, не попадались ему такие уж капризные господа.

Перепутинск оказался довольно большим поселком, тут были не только избы, но попадались и дома в два этажа!

На явившихся из леса поглядывали без особого любопытства, из чего Восьямиэль сделал вывод: дело нечисто. В любом уважающем себя поселении вокруг незнакомцев мигом собралась бы толпа, а тут даже мальчишки провожали их совсем недолго. Один крикнул: «Дядька Яреук, новенькие, да?» Лесник в ответ состроил грозную физиономию, и мальчонку как ветром сдуло. Восьямиэль запомнил и это...

— Господин, вы обождите маленько, я только старосту уп-

режу, — скороговоркой выпалил он, когда они подошли к добротному дому, и исчез внутри.

Мужчина огляделся. Да, поселение не бедное, по всему видно...

Девка таращилась по сторонам и вроде бы что-то смекала: хмурилась, будто дома пересчитывала, посматривала на прохожих. Впрочем, Восьямиэлю было не до нее.

— Господин! — На пороге показался Яреук в сопровождении еще одного бородача. Тот был вдвое толще лесника, окладистая борода лежала на животе, как на подносе.

— Прощения просим, господин, что обождать пришлось, — кланяясь, загудел тот басом.

— Пустяки, — самым светским тоном ответил Восьямиэль. — Вот буквально каждый день только тем и занимаюсь, что жду под дверью всяких сиволапых!

Староста — а это, без сомнения, был именно он — поперхнулся заготовленной фразой и живо скатился по ступеням.

— Пойдемте, пойдемте в дом, господин. — На крыльцо он гостя едва ли не внес. — Что зря на морозе стоять!

— И правда! — саркастически произнес тот.

— А я?.. — подала голос девка.

— А ты обожди, — через плечо бросил ей староста. — Авось не залубенеешь. Яреук, пригляди тут...

В доме оказалось просторно и тепло — даже слишком, Восьямиэль не любил такую духоту, но деваться было некуда. Точно, богатый поселок, такие хоромы отгрохали!

— Меня, стало быть, Ранеком кличут, по прозвищу Три Забора, староста я здешний, — басил староста, суетясь: усаживал на лавку, подсовывал подушки, принимал шубу — все самолично!

— Почему Три Забора? — рассеянно спросил мужчина.

— Да то старая история, господину неинтересно будет, — хмыкнул староста. — А можно ли имя господина узнать?

— Тебе на что? — поинтересовался Восьямиэль.

— Ну... положено так... — заморгал староста.

— Кем положено? — продолжал допрашивать тот невыносимо надменным тоном.

— Властелином, — сурово ответил староста и бухнул на стол громадную книжищу. Полоумная девка, увидев ее, на-верняка удавилась бы от зависти.

Староста, открыв книжищу на середине, долго мусолил палец, переворачивал листы, наконец что-то сообразил, всплеснул руками, этот том убрал и вытащил другой, потоньше, в красном кожаном переплете. Тут исписано было всего несколько страниц. Староста добыл откуда-то чернильницу и перо, обстоятельно изготовился к письму и посмотрел на Восьямиэля.

— Уж извольте имечко, господин, — попросил он. — А то ж мне потом по шапке надают, как от властелина проверка придет!

— Ну что ж, пиши, — холодно ответил Восьямиэль, решив, что про властелина староста ему сам все расскажет. — Я граф Восьямиэль-зи-Нас'Туэрже адд'Карнай адд'Шианзу адд'Лианар адд'Вижезен... — Тут он сжалился над Ранеком, прилежно скрипевшим пером, и над собой: во-первых, полное имя со всеми титулами ему пришлось бы выговаривать еще минут пять, а во-вторых, он ужаснулся, представив, как староста мог записать его имя на слух. — Достаточно?

— А граф — это, стало быть, титулование такое? — проявил смекалку староста.

— Верно.

— А это насколько ниже самого главного правителя? — спросил тот.

— На две ступени, — ответил Восьямиэль, решив ничему не удивляться. В самом деле, откуда деревенщине в титулах разбираться! — А теперь, любезный, изволь объяснить, где это я и что произошло! И с какой стати ты моим именем интересуешься?

— Это, господин, разговор долгий... — Староста подул на страницу, убедился, что чернила высохли, и бережно убрал книгу на место.

— Я никуда не тороплюсь. — Мужчина поудобнее устроился на лавке. — Излагай!

Староста прокашлялся и начал повествование. По ходу

его Восьямиэль тарасил глаза, скептически хмыкал и всячески изображал неверие в происходящее.

А творилось в этих краях вот что... Перепутинск недаром так назвали: он уж подметил — тут и перепутье, и путаница!

С давних времен в этих краях невесть откуда появлялись странные люди (а то и не люди вовсе). Ясное дело, поначалу крестьяне их боялись, бывало, убивали — что еще с чужаками делать? Кое-кто, впрочем, приживался... Но однажды слухи дошли до властелина. Тот немедленно прислал своих людей выяснить — что за незнакомцы, откуда, не шпионы ли? Те долго ломали головы, потом призвали на помощь самых лучших магов из столицы...

— Вы, господин, в магию-то верите? — опасливо спросил староста.

Восьямиэль неопределенно пожал плечами. При императорском дворе крутились маги, но в большинстве своем это были ловкие шарлатаны. Настоящие мастера о своем искусстве предпочитали не распространяться, знания передавались тайно и хранились в строжайшем секрете.

Итак, прибывшие маги сумели разобраться в происходящем: именно здесь, в лесу у Перепутинска (тогда еще Коровьего Брода), есть односторонняя волшебная дверь, через которую сюда попадают люди и нелюди отовсюду — кого с другого края света может занести, а кого и вовсе из иного мира!

Теорию о множественности миров Восьямиэль знал, считал, что она имеет право на существование, а сейчас, послушав, как спокойно говорит об этом полуграмотный бородач, и вовсе в нее уверовал.

— Кого только не бывало! — рассказывал Ранек. — И господа благородные, и дамы всякие, и крестьяне, и вовсе незнамо кто. Раз, при бате моем еще, занесло одного ростом в полберезы, весь в железе, молниями плюется — насилу угомонили!

Дело наладили. В лесу теперь постоянно дежурили лесники: нехорошо, если гость заплутает и пропадет. Всех доставляли в Перепутинск, несколько раз в год сюда прибывали люди от властелина, смотрели, что да как, и решали: оставить

ли человека здесь или забрать в столицу. Благородных господ, ясное дело, увозили с собой, а крестьяне всякие неплохо приживались и в Перепутинске.

Последние властелины придумали, как можно использовать пришлецов! Среди них ведь и маги попадались, а неизвестные заклинания — это ж какое подспорье! Бывали и мастеровые, и изобретатели: благодаря им теперь вот прядильни механические построены, а в больших городах, рассказывают, даже самобеглые телеги есть!

— Вот девка ваша, — сказал староста, — крепкая, видать, работающая, может, тут останется! Найдется ей дело. А вы, господин, что умеете?

— Что я умею? — с неподражаемым сарказмом произнес Весьямиэль. — О, я кладезь талантов! Умею ездить верхом и фехтовать. Люблю охотиться — с загонщиками, разумеется. Прекрасно танцую, говорю на восьми языках — правда, боюсь, здесь это умение мне не пригодится. Могу выпить шесть бутылок вина и не захмелеть. Играю в вастрон, кагль и... словом, ты все равно не знаешь, что это. Умею музицировать и слагать стихи...

Староста как-то просветлел лицом: перед ним сидел настоящий благородный господин, теперь он в этом окончательно убедился.

— Так, господин, вам только людей властелина дожидаться, вас мигом в столицу отвезут, — сказал он. — А пока уж сделайте милость, побудьте гостем! Для пришлецов у нас вот на постоялом дворе несколько комнат всегда свободны!

— С клопами? — Весьямиэль передернул плечами.

— Что вы, как можно! — оскорбился староста. — Лучшие маги от насекомых заговаривали! Ну, те комнаты, что для господ. Таких-то мало, видели, отдельную книгу для записи завести пришлось, красную, чтоб сразу понятно было! Ее еще прадед мой начал, а исписано всего ничего...

— Ну, выбора у меня нет, как я понимаю, — хмыкнул Весьямиэль. Ему очень хотелось узнать, зачем забирают в столицу благородных господ. Властелин с ними что, тонкости чужеземной политики обсуждает, что ли? Или неизвестные фехтовальные приемы разучивает? Но это можно было

выяснить позднее, исподволь. — А что, вернуться назад можно? У меня там, видишь ли, дела имеются!

— Не слыхал я, как это бывает, — осторожно произнес староста. — Тут-то у нас дверь односторонняя, маги сказали, а что уж они сами умеют — то мне неизвестно. Уж вы у них лучше спросите, не моего ума это дело.

— Непременно спрошу, — кивнул Восьмиэль. — Значит, комнаты. Сколько платить прикажешь, любезный?

— Что вы, что вы! — замахал руками Ранек. — То за деньги властелина! Что пожелаете, мигом будет! Ну, — добавил он, — если это не какие-нибудь рябчики с ананасьями...

— С чем-чем?..

— Яблоко такое заморское, — пояснил Ранек. — Один пришлец очень хотел попробовать, а откуда ж мы ему возьмем? Или другой еще соловьиных язычков жареных желал... А где мы ему посреди зимы соловьев наловим?

— Ну, я не столь прихотлив, — усмехнулся Восьмиэль и заговорил более развязно: — Но, любезный, мне нужна одежда! Не могу же я ходить в придворном камзоле ближайшую пару месяцев!

— Непременно портного к вам пришлю, и сапожки стачаю, как пожелаете, — кивнул Ранек.

— Тоже за счет властелина? — хмыкнул тот. — Знаешь, любезный, я лучше доплачу, но чтобы все было наилучшего качества!

— Не надо, не надо, узнают проверяющие, головы не сносить! — Ранек попытался отодвинуть золотую монету, но все же не устоял и спрятал ее, сделавшись совсем уж подобострастным. — Ежели что понадобится, господин, только скажите, мигом...

— Исполнишь, — завершил Восьмиэль. — Вот что, я не привык обходиться без слуги. Сыщется у тебя расторопный парень?

— Да вряд ли, — почесал в бороде Ранек. — Все ж работают, а кто не занят — тот обалдуй и лоботряс, а зачем господину бездельник?

— Да уж... — Восьмиэль поджал губы. — И что прика-

жешь делать? Самому себе постель стелить и рубашки стирать?..

— А вы, господин, девку эту в услужение возьмите! — предложил староста, подумав. — Тут ей дело найдется ли, нет, еще неизвестно, а так... постирать сумеет, прибрать тоже, ну и всяко проче, если... гхм... — Он выразительно закашлялся.

— Избавь! — поморщился Восьямиэль. — На нее взглянуть страшно... Попробуй уговорить кого-нибудь из деревенских, я заплачу. А теперь прикажи проводить меня на этот постоянный двор, после ваших дорог у меня ноги болят!

Восьямиэлю нужен был в слуги местный парень: его легко напоить и выспросить то, о чем умалчивает староста, узнать слухи, сплетни... Словом, Восьямиэлю требовалась цельная картина, а она пока не складывалась. Почему он легко понимает местный язык и язык этой девки, если она тоже, скорее всего, из другого мира? Как здесь работает магия? Зачем властелину нездешние аристократы? Изобретатели, ученые — это понятно, но эти-то на что?

Впрочем, он рассчитывал разобраться во всем этом со временем. А его теперь было предостаточно.

Маша пребывала в полном недоумении: ее странный спутник ушел вместе с местным жителем, оставив девушку на улице с Яреуком.

«Девушек надо вперед пропускать, и, вообще, это не товарищески!» — обиженно подумала она, однако тут же вспомнила, что этот «господин» никакой ей не товарищ, а идейный противник!

Так что Маша сполна почувствовала себя представителем угнетаемого класса. Даже в теплом тулупе на улице было холодно, мороз ощутимо хватал за щеки, заставлял приплясывать на месте в тщетных попытках согреться. Ждать пришлось довольно долго, и девушка успела рассмотреть прохожих: женщины, все как одна, щеголяли в длинных юбках (чудно, ведь в брюках намного удобнее, и не поддувает!), мужчины были в разноцветных нарядах самых разных фасонов. Глядеть по сторонам было очень увлекательно, но и это надоело.

Лесник не обращал на нее никакого внимания, то и дело заводя оживленный разговор с кем-то из знакомых, и Маша заскучала. Войти без спросу в дом ей показалось неприличным, хотя все больше хотелось зайти погреться, да и поесть бы не мешало — после долгой прогулки по лесу аппетит разыгрался не на шутку.

Маша не привыкла бездельничать среди дня — ведь каждый должен работать и приносить пользу! — и теперь не знала, чем себя занять.

Вдруг девушка вспомнила, что у нее с собой есть сборник избранных сочинений Вождя, и сразу приободрилась.

Подумать только, Второй секретарь вручил ей этот подарок больше суток назад, а она до сих пор даже не открывала книгу! Маше стало стыдно за свое невольное пренебрежение, она поскорей извлекла драгоценный том из-под тулупа и с радостью погрузилась в чтение.

Да так увлеклась, что едва не пропустила момент, когда «господин» (имени его Маша по-прежнему не знала) наконец вышел из дома в сопровождении бородача. Не обращая внимания на девушку, Весьямиэль поинтересовался у Яреука, как пройти на постоялый двор. Лесник предложил показать дорогу, на что «классовый враг» только кивнул и важно проследовал за Яреуком, даже не взглянув на Машу.

Растерянная девушка вознамерилась было увязаться за ними следом, но ее окликнул староста (он самолично проводил гостя, даже помог спуститься по лестнице), который строго велел следовать за ним. Маша послушалась, хоть и с некоторым сомнением — несмотря на то что «господин» и был ей посторонним, однако расставаться с ним как-то не хотелось. Видимо, потому что остальных она вовсе не знала, а с ним они вроде как товарищи по несчастью.

Едва Маша прошла в дом, как ее сразу окутало блаженное тепло.

Бородач уселся за стол, Маша опустилась на лавку напротив него.

Тот достал откуда-то толстенную книгу (почти такую же внушительную, как избранные сочинения Вождя, чем девуш-

ка невольно восхитилась), открыл ее посередине и поднял взгляд на Машу.

— Ты чего это расселась? — неприязненно буркнул он. — Ишь, расположилась, как благородная!

— Но ведь вы сели, не стоять же мне? — удивилась Маша.

— А и постоишь, не переломись! — возмутился тот для порядка, разглядывая пришлицу. По правде сказать, девка была справная: статная, крепкая, кровь с молоком, хоть и господина графа тоже можно было понять — совсем простая на вид, ничуть не похожая на красавиц-аристократок. Фигуры не разглядеть толком, но на лицо вполне симпатичная, да и видно, что такая не помрет, дитенка рожая, как первая жена старосты.

«А и то, может, себе оставить?» — подумал он, задумчиво разглядывая Машу.

Даже не подозревая о матримониальных планах практичного старосты, та, в свою очередь, рассматривала его. Полный бородач больше всего напоминал откормленного борова, каких она видала в обхозе: вздернутый нос, маленькие глазки, лоснящееся нежно-розовое лицо, лишь борода и одежда являлись доказательством того, что он человек, да голос низкий, а вовсе не визгливый.

У Маши он сразу вызвал неприязнь, хоть это и нехорошо — судить о незнакомце только по внешности. Но она ничего не могла поделать — не располагал он к себе, и все тут!

Закончив играть в гляделки, бородач уткнулся в свою книгу и, видимо, приготовился что-то писать (раньше она видела такие странные письменные принадлежности только на картинках, кажется, они назывались «перья»).

Он больше не настаивал, чтобы Маша разговаривала с ним стоя, да и голос его как-то подобрел:

— Я староста тутошний, Ранеком кличут, по прозвищу Три Забора. А ты кем будешь?

— Я Машинно-автоматическая швея номер триста семьдесят два, — послушно представилась девушка. Староста моргнул непонимающе, и она продолжила: — Ну Маша я, в общем.

— А, Маша! — обрадовался он, старательно записывая имя в свой талмуд. — А что ты умеешь делать?

— Я швея, передовик производства, между прочим! — гордо ответила девушка. Жаль, продемонстрировать значок не удалось (он так и остался приколотым к свитеру, а Маша сидела одетой, не рискуя снимать тулуп, хотя уже становилось жарко).

— Швея? — поскутнел тот. — Такого добра и у нас хватает, всякая баба или девка в шитье разумеет. Ну да ладно, определяю тебя пока в помощь портному, посмотрим, на что ты годна. Вот тебе еще пять медяков на обзаведение. Ясно тебе?

Маше ничего не было понятно, и, помявшись, она спросила:

— А кто такой портной и что такое медяки?

Староста посмотрел на нее, как на блаженную, но объяснил:

— Портной шьет одежду, а ты, стало быть, помощницей ему будешь. Хорошо работать станешь — он сам решит, сколько тебе платить. А медяк — это денюга такая, значит.

Денюги?! Конечно, Маша читала в учебниках, что это такое, но ведь их давно отменили! Разве возможно, что тут есть господа и еще денюги?

— Куда я попала?! — воскликнула она в отчаянии.

Ранек вздохнул — сколько раз ему уже приходилось рассказывать пришлецам об этом — и в точности пересказал Маше ту же историю, что и всем до нее: про множественность миров и связь между ними.

Маша сидела, совершенно оглушенная свалившейся на нее информацией: им говорили на занятиях по политграмоте о борьбе за права трудящихся в разных мирах, но она даже предположить не могла, что сама очутится в одном из них, да притом в таком, где, по всей видимости, об общевилизме даже не слыхали!

— Ну ладно, девка, некогда мне с тобой рассусоливать! — пробасил староста нетерпеливо. Он решил пока оставить Машу — пусть пообвыкнется, придет в себя, а потом, глядишь, и сойдутся поближе. — Ступай себе!

— А куда? — спросила девушка, послушно поднимаясь. — Скажите, где тут у вас общежитие, склад одежды, и еще мне столовая нужна!

Ранек нахмурился — странные вещи говорит эта девка, ну да ладно, пришлецы часто бывают не совсем нормальные, и немудрено.

— Топай в лавку Малуха, там тебе все объяснят! — велел он.

Маша удивленно смотрела на него: какая лавка, куда идти, она ведь на этой лавке сидит! И вообще, она ведь ясно сказала, что голодна, да и переодеться не мешало бы, а никакой одежды с собой у нее конечно же нет! Так что нужно, чтобы ей кто-то показал склад одежды и помог подобрать наряд по размеру (ей, наверное, придется теперь длинные юбки носить). Ну и еще всякие мелочи необходимы, вроде мыла и зубной щетки, где их взять?

В голове у девушки творился полный кавардак, она поняла, что ее занесло невесть куда, а вот что теперь делать — совершенно неясно!

Но отвечать на ее вопросы старосте явно было недосуг, так что он нетерпеливо кликнул мальчишку и, когда тот появился, буркнул:

— Отведи эту девку к портному, скажи, что подспорьем ему будет. Ступайте!

По-прежнему недоумевая, Маша взяла с лавки свою книгу, прижала ее к груди (не прятать же ее при Ранеке под одежду) и собралась уходить, когда староста ее окликнул:

— Эй, девка, ты грамотная будешь, что ль?

Маша ответила, снова изумляясь:

— Конечно!

В школе ведь учат!

— А что это у тебя за книга? — уже уважительнее спросил он. Женщина, умеющая писать и читать, — большая редкость! Такая, глядишь, и приход с расходом свести подмогнет, и в хозяйстве пригодится — по всему видать, работающая. Староста даже размечтался, как будет не сам заносить все в книги, а девке диктовать — он видел, что благородные всегда так делают.

— Это самая главная книга, — начала Маша тем временем. — В ней записаны слова Вождя и все-все объясняется: как жить нужно и что делать!

Ранек задумался — по всему выходило, что непростая это книга, раз в ней такие серьезные вещи пишут.

— А, так ты клиричка! — озарило его. Видя Машино недоумение, он пояснил: — Ну, по книге этой живешь и других учишь?

— Да! — обрадованно кивнула та.

— А как зовется твоя вера? — уточнил староста подозрительно. В их мире было многобожие, но имелся и список запрещенных культов, которые надлежало искоренять всеми возможными способами.

Маша не сразу поняла, о чем он толкует. Ах, ну да, он интросовался, во что она верит! Девушка гордо ответила:

— Я верю в общевизм и светлое будущее!

Староста облегченно вздохнул — такого верования среди недозволенных не числилось (а то жаль было б девку палачам отдавать, на нее другие планы имеются) — и разрешил:

— Ладно, можешь говорить о своем общевизме! А теперь иди!

Мальчишка нетерпеливо потянул Машу за рукав, и она послушно двинулась за ним, думая лишь о том, что этот странный Ранек, кажется, разрешил ей рассказывать всем об общевизме! Теперь она может провести митинг среди местного угнетенного народа и начать борьбу за права трудящихся! Сложная задача, очень ответственная, и Маша всю дорогу до лавки портного думала лишь о том, как правильно все сделать. Она волновалась, ведь никогда раньше ей не приходилось начинать все с нуля, но была готова защищать рабочий класс со всем пылом!

Призрак бродил по Перепутинску, призрак общевизма...

Глава 4 НОВАЯ ЖИЗНЬ

Мальчишка (он назвался Ливеком) привел Машу к двухэтажному дому. Далеко идти не пришлось — лавка (знать бы еще, почему дом называют так же, как мебель!) портного располагалась в центре поселка, в нескольких шагах от дома старосты.

Ливек уверенно распахнул дверь и бросил Маше:

— Ты проходи, только веди себя тихо — Малух дерзких не любит!

Та понятливо кивнула — конечно, она не станет грубить, в конце концов, ее всегда учили уважительно относиться к людям.

Удовлетворившись ее реакцией, мальчишка зашел в дом, а Маша последовала за ним. Перед ней открылась интересная картина: в просторном помещении (должно быть, под него был отведен весь первый этаж) была развешана одежда самых разнообразных фасонов и расцветок, и еще какие-то странные приспособления, назначения которых она даже представить не могла.

«И зачем столько всего? — недоумевала Маша. — Было бы тепло и удобно, а прочее — ненужная роскошь! Разве что на танцы вот приодеться, и довольно!»

Но владелец всех этих тряпок явно придерживался иного мнения, и девушка не стала вслух говорить об этом, чтобы не обидеть незнакомого человека.

Сам Малух обнаружился за прилавком: худой мужчина с темными волосами и глазами, в профиль он был похож на печальную длинноносую птицу, и худые пальцы чем-то напоминали когти. Маша невольно попятилась, сжимая книгу (не так давно она убедилась, что это весьма грозное оружие), а тем временем мальчишка, не замечая ее состояния, приветливо обратился к владельцу лавки:

— Доброго денечка, дядька Малух! Вот, староста тебе помощницу прислал! — Он помолчал и добавил со значением: — Из пришлецов!

Тот только успел набрать воздуха, видимо, как раз собрался поинтересоваться, по какому поводу явились посетители, но, услышав это известие, сразу почему-то заулыбался, внимательно осматривая Машу:

— Ну, проходите, коль так!

Маша, преодолевая неожиданную робость, подошла к Малуху. Странно, она всегда считала себя бойкой девушкой, но в этом непонятном мире отчего-то терялась, не зная, что делать и как себя вести. Маша отнюдь не была душой, так что

сразу уразумела: раз это другой мир, то и правила в нем другие (пока здесь еще не победила общевистская революция, конечно!). Если б она знала, насколько они отличались от законов ее страны!

Например, вскоре выяснилось, что староста и не думал шутить, сказав, что здесь используют деньги. Маше пришлось учиться их считать, хотя Малух и не доверял ей принимать оплату у покупателей, быстро смекнув, — пришелище неоткуда знать здешние цены, а народ в Перепутинске ушлый, мигом сообразит, как обвести ее вокруг пальца!

Да девушке вообще казалось диким, что за одежду нужно платить! Это же глупость, как можно требовать деньги за предметы первой необходимости?!

К тому же оказалось, что Маша мало чем может Малуху помочь — она ведь привыкла шить не вручную, а с помощью машин, и попросту не умела толком пользоваться здешними допотопными приспособлениями! Ну, могла там пуговицу пришить или заплатку поставить, и все. Вот дайте ей любой станок, она вмиг разберется, что да как, а ковырять жесткую ткань иголкой при свете лучины... это же каменный век какой-то! Она поражалась, как у портного выходят такие ровные швы: ну будто на машинке прострочил, до того стежки мелкие и аккуратные, не то что у нее — вкривь да вкось... Она старалась, но выходило все равно скверно, так что доверяли ей только подрубать края да распарывать, если приходилось.

Первое время девушку шпыняли все, начиная от господина Малуха и его дородной жены Валии и заканчивая их служанкой Вартой — рябой девицей примерно одних лет с Машей. Даже дети портного дразнили ее. Маше приходилось делать простую грязную работу, помогать всем одновременно.

Вставали тут до света — ну это еще ладно, у себя дома Маша тоже рано поднималась на работу. Нужно было живо растопить печь, а пока хозяйка готовит завтрак, натаскать воды из колодца (эту почетную обязанность Варта спихнула на чужачку-неумеху), вымести полы (а раз в неделю еще вымыть и выскоблить), перемыть оставленную с вечера посуду, задать корм скотине и птице... Вот к стряпне Машу не под-

пускали, поняв, что управляться с тяжелыми горшками она не умеет, а обучать показалось накладно — ведь перебьет все, а посуда денег стоит!

И так с утра до вечера, ни присесть, ни отдохнуть — дело всегда находилось, сложа руки никто не сидел!

Пришлось учиться разбираться в достоинствах разных монет, привыкать носить юбки и делать множество других вещей, которые раньше Маше не могли присниться даже в страшном сне. Хорошо, что девушка не была избалованной и привередливой, а то ей тяжело пришлось бы здесь: обитать в тесной каморке, есть простую, хоть и сытную еду, которая полагалась слугам (она каждый раз негодовала, слыша это отвратительное слово), ходить, опустив глаза...

Она научилась всему, твердя про себя каждый раз слова Вождя о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». А эта социальная система ей, мягко говоря, не нравилась, но выбирать не приходилось. Пока оставалось только думать о том, как бы изменить ее к лучшему!

Одному Маша так и не научилась — кланяться. За это ее однажды побила хмурая хозяйка, госпожа Валя, — не с той ноги встала, а тут еще служанка королевы ходит, спину лишний раз не согнет! Когда Валя подняла руку (вернее, веник) на Машу, та пришла в ужас: да как можно избивать других людей?! Ведь они такие же, как и ты сам, кто дал тебе право распоряжаться чужой судьбой, кто поставил выше других?! Маша этого не понимала и уже собралась уйти, когда вдруг осознала, что идти ей совершенно некуда. Не в лес же податься, в самом деле!

Пришлось остаться в доме портного, однако и позволить кому-либо бить ее Маша не могла (это означало бы полную потерю самоуважения!), а потому она начала носить с собой книгу Вождя в сумке, которую сама кое-как сшила из ненужных обрезков тканей.

Как-то госпожа Валя, в очередной раз пребывая в дурном настроении, замахнулась на Машу хлыстом (она обожала эту вещь, воображая себя, должно быть, укротительницей диких животных), но девушка поудобнее ухватила увесистый том и предупредила: